

40.

Изъ Петербурга въ Вольскъ. 15 января 1873 года.

Достопочтенные ревнители чистоты церковной и православія: Павелъ Андреевичъ Никифоровъ и Кириллъ Трофимовичъ! ⁹⁹⁾

Письмо ваше заказное отъ 5 января получилъ я 13-го. Прочитавъ его возвеселился духомъ что мои труды на пользу православія и въ разъясненіе св. истины доходятъ до всѣхъ мѣстностей нашего Отечества и повсюду встрѣчаютъ сочувствіе ¹⁰⁰⁾. Мои всеусердныя пожеланія и труды направ-

⁹⁹⁾ Оба раскольники австрійской секты, живущіе въ г. Вольскѣ, Саратовской губ. Послѣдній не разъ бесѣдовалъ съ нами, защищая австрійскую іерархію. Собственноручно писано бывшимъ священникомъ Верховскимъ. Авт.

¹⁰⁰⁾ Въ раскольникахъ, но не православныхъ. Въ 1885 году Верховскій, бывший единовѣрческимъ священникомъ при Николаевской церкви, что въ Захарьевской ул., въ С.-Петербургѣ, тайно бѣжалъ за границу, къ раскольникамъ. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Вѣллой-Криницѣ, но ужиться съ раскольниками онъ не могъ. Верховскій считалъ и себя и раскольниковъ „единой вѣрой“, но раскольники напротивъ считали Верховскаго еретикомъ. Когда онъ явился въ Вѣлюю-Криницу, принялъ благословеніе отъ бѣлокриницкаго лже-митрополита Аеанасія и хотѣлъ приступить къ священнодѣйствію, то ему замѣтили, что онъ, хотя и защищалъ ихъ въ своей литературѣ, тѣмъ не менѣе въ глазахъ ихъ онъ состоитъ еретикомъ и подлежитъ извѣстному чинопріему Верховскій не пожелалъ унизиться предъ раскольниками и выѣхалъ въ г. Дрезденъ, гдѣ и жилъ почти безъ выѣзда. Въ 1891-мъ году онъ, больной, прибылъ въ С.-Петербургъ, пригласилъ православнаго священника, исповѣдался у него, принялъ св. Тайны и умеръ. Предсмертная просьба его къ православному святителю была та, что

ляются къ тому, чтобы общество и правительство не знали, что старообрядчество есть ничто иное какъ не согласіе, протестъ русскаго народа противъ вторженія въ Отечественную церковь свободно и разумно подавительныхъ преданій латинства; что старообрядство есть хранитель чистыхъ преданій истинно древняго христіанства и отечественной народности, что оно оставитъ въ будущемъ радость и торжество Отечества и его Церкви.

Труды мои начались съ 1859 года всеподданнѣйшимъ прошеніемъ отъ 5 мая о возвращеніи единовѣрческому обществу въ Петербургѣ иконы Божіей матери Тихвинской, принадлежавшей Мирону Флорову, крестьянину Костромской губ., моему духовному сыну, которую Господь прославилъ чудесами, но которую власть поставила въ Исакиевскій соборъ. Прошеніе заключало жалобу на предъубѣжденія общества и правительства противъ старообрядства и единовѣрія, по которому св. икона, принадлежащая послѣднему, у него отнимается. Потомъ важнѣйшіе труды мои было все подданнѣйшее прошеніе о старообрядческой самостоятельной іерархіи, которая, принявъ начало отъ російской, съ нею не имѣла общенія до упраздненія всѣхъ раздѣлительныхъ препятствій, стоящихъ нынѣ между старообрядчествомъ и Русскою церковью. Въ принятіи этой просьбы Министромъ внутреннихъ дѣлъ отказано; за то проектъ частію поданъ государственному канцлеру князю Горчакову. Движенія официальнаго по моимъ статьямъ нѣтъ и въ печать наши мысли не допускаются, хотя они быстро распространились въ Отецествѣ и проливаютъ значительный свѣтъ на темный вопросъ нашихъ обрядовыхъ раздоровъ. Нельзя не быть и противникамъ приводимыхъ мною идей. Копію съ проекта, прошеніе о іерархіи я тогда же подалъ синодальному члену Платону, бывшему рижскому, а теперь Но-

бы его отпѣли по чину погребенія священниковъ; но совершенія этого не могло быть: Верховскій лишенъ сана священства и въ силу этого былъ отпѣтъ, какъ мирянинъ. Авт.

вочеркасскому. Онъ сообщилъ и прочимъ членамъ Синода и митрополиту Исидору. Сей поручилъ бывшему преосвященному викарному, а теперь самарскому, Герасиму, составить опроверженіе этаго прошенія, что Герасимъ и на печаталь подъ псевдонимомъ „Свящ. Твердынскаго“ въ странникѣ марта 1866 года „Расколъ предъ собственнымъ судомъ“. Казанская Духовная Академія занялась разборомъ этаго прошенія повсѣмъ правиламъ науки и воспитанника XII курса Богородскаго, которому былъ этотъ трудъ порученъ въ 1868 году наградило его степенью магистра. По ихнему, значить, онъ хорошо меня опровергнулъ; но на дѣлѣ не такъ: я противу этаго Разбора написалъ свой противъ Разбора. Тотъ и другой не напечатали: мой потому, что цензура не принимаетъ, а академическій, что слабъ. Потомъ Константинъ Голубевъ въ Псковѣ, въ своей хромой Истинѣ, книжка № 5 написалъ на меня пасквиль. Все это сторона лукавнующихъ. За то все честныя люди моему дѣлу искренно сочувствуютъ и этому сочувствію доказательствомъ служатъ письма, подобныя вашему. Съ удовольствіемъ желаю продолжать съ вами бесѣдованіе.

Въ 1832, 33 и 34 я учился въ Саратовскомъ духовномъ училище. Горизонтовъ и Терсинскій мнѣ товарищи. Можетъ быть и въ Вольскѣ не найдутся ли таковыя. Моихъ трудовъ или статей или тетрадей по предметамъ старообрядчества много и какіе у васъ есть подъ моимъ именемъ увѣдомьте. То могу вамъ сказать: мои ли они? И еще извѣстятъ: вы поповцы или безпоповцы? И какого согласія?

Священникъ Іоаннъ Верховскій.